

Геннадий Бортников:

«НАДО УМЕТЬ ЖДАТЬ»

— Моя семья отношения к искусству не имела. Отец был военным, мать воспитывала детей. Правда, очень любила музыку. Дух любви к искусству, благоговение перед ним существовали.

Да и город, район, даже двор детства — все участвует в воспитании, остается с тобой навсегда. В моем детстве это были места Достоевского: район нынешней площади Коммуны в Москве. Я по долгу бродил по дворам, закоулкам, олицетворявшим для меня его таинственный мир. Случайно ли, что уже в двенадцать—четырнадцать лет я по своей инициативе открыл книги Достоевского, стал его читать. Поэтому, став актером, снова вернулся к этому писателю.

— Вы, собственно, подошли к вопросу о работе над ролью. Что в этом процессе главное для вас?

— Не текст во всяком случае. Он поначалу для меня не важен. Я не заучиваю его, как обычно бывает. Я сразу создаю атмосферу. Схему образа, расположение его в пространстве пьесы. Потом облакаю этот образ плотью. И вот уже текст, который написан драматургом, начинает вкладываться в уста персонажа, который я пытаюсь создать, который где-то еще неосознанно вижу в своем воображении.

Как-то мне посчастливилось прочесть книгу Шарля Дюлена о работе актера. Французский режиссер, теоретик театра заметил, что актеры-творцы не изменяют своей теме. Будучи в разных театрах, играя разнообразные роли, они всегда несут свою художническую тему...

В то же время всегда люблю новые встречи, и для меня каждый режиссер — загадка, непознанный мир. Но я никогда не соглашусь ни с кем работать, будь то самый выдающийся режиссер, если пьеса меня не устраивает, если вижу бедность драматургии, невозможность в конечном счете проявить гражданскую позицию.

Скажем, был сыгран прощальный спектакль «Глазами клоуна». В нем для меня — и двадцать лет назад, и сейчас — важны были главный стержень, идейная и художническая направленность...

— Двадцать лет для спектакля — срок немалый...

— Не будем лукавить: случай уникальный! Порой я задумываюсь: почему такое произошло? Почему я раньше не расстался с этим спектаклем, пусть для меня чем-то дорогим, где был и актером, и режиссером, и художником? Видимо, потому, что творчество таких художников, как Бёльль, очень созвучно времени. Хотя роман написан в начале шестидесятых годов, его темы близки современному зрителю: честность, гласность, которую сейчас исповедуем. Думаю, что в те годы, когда спектакль был поставлен, это как раз и влекло зрителей.

— А с какими спектаклями, ролями связаны у вас воспоминания о наиболее талантливых партнерах?

— По времени прежде всего с Высоцким. Кстати, первую свою настоящую роль на сцене я сыграл благодаря Высоцкому. Когда перешел на второй курс Школы-студии МХАТа, на четвертом, где учился Владимир, ставили дипломный спектакль. Однажды он подошел ко мне: нужно сыграть в их спектакле роль тренера (это был «Золотой мальчик» Одетса). Я согласился, и мы стали репетировать. С Высоцким было интересно играть: я чувствовал партнера.

В театре я бы назвал всех моих любимых партнерш — начиная от Дробышевой и кончая Тереховой. И, стало быть, — все спектакли, все роли, где я встречался с ними.

— А в чем суть ваших режиссерских поисков? Ведь вы поставили уже немало спектаклей.

— Помню, Вера Петровна Марецкая любила повторять известную фразу: «Мы не можем ждать милостей от природы...» Стало быть, если тебе режиссер не предлагает ту или иную роль, если у тебя хватает сил поставить пьесу самому, бери и делай. Так возникали, кстати, и мои театральные вечера. А вообще-то меня никогда не привлекала роль режиссера-постановщика.

Свои режиссерские опыты я отношу к области эксперимента «от бедности», эксперимента «от отчаянья». Все мои заявки в родном театре откладываются. Если бы я в театре мог планировать свою работу и знал, что сегодня работаю над «Маленькими трагедиями» Пушкина, а завтра буду над Фугардом, а затем — над новой пьесой Салынского или Розова, может быть, такой потребности и не возникло бы.

Когда у меня появилась возможность поставить в театре-студии «Сфера» Олби, я с удовольствием взялся. Считаю, что «Случай в зоопарке» дает ключ к пониманию творчества этого драматурга. Не зная этой пьесы, не поварившись в ней, невозможно ставить и играть Олби профессионально. Поэтому я считал обязательным для себя пройти через эту пьесу. И как режиссер, и как актер. Спектакль, который идет всего пятьдесят минут, по душевным затратам для меня равен спектаклю на три часа!

То же и с постановкой в Театре имени А. С. Пушкина, где мне предложили поставить пьесу Фугарда «Джонни и Хес».

И еще есть причина поисков «на стороне». Возможно, собственная моя судьба сложилась счастливо. А, может быть, в какой-то мере и драматично. Слишком много лет прожито без новых ролей! Но в этом тоже было какое-то предзнаменование: нужно было ждать...

Беседу вел
В. ЛЕБЕДИНСКИЙ.

● Геннадий Бортников.

Фото В. Лысова (ТАСС).